

Начала организационной структуры Императорской Публичной библиотеки

Г. В. Михеева

Состояние библиотечного дела и конкретных библиотек в любое время теснейшим образом связано с общей обстановкой в стране. Не находится в стороне от всех этих процессов и Российская национальная библиотека.

Одни из наиболее важных преобразований в этой Библиотеке — тогда еще Императорской Публичной — произошли в середине 1850-х гг.

Наступившая после революций 1848 г. в европейских странах «эпоха цензурного террора»¹ стала своего рода «умственной плотиной»², которую смогла прорвать, по словам А. И. Герцена, «весенняя распутица»³. В 1850-е гг. страна жила с мыслями о необходимости кардинальных перемен и широко-масштабных реформ.

Охватившая русское общество всеобщая «жажда знания»⁴ заставила по-иному взглянуть на предназначение Императорской Публичной библиотеки. Главное, как отмечалось в многочисленных рецензиях на отчеты Библиотеки, публиковавшихся в этот период в отечественных журналах, «употребление Библиотеки очень распространилось в последнее время»⁵.

Если в 1850 г. читателей в Публичной библиотеке было 7720 человек и им было выдано 16 076 изданий, то в 1858 г. в Библиотеку записалось 34 275 человек⁶ (почти в пять раз больше прежнего), и им было выдано 71 396 изданий, т. е. книговыдача увеличилась более чем в два раза. Хлынувший в Библиотеку поток читателей, изменение их состава и их запросов, небывалый до той поры приток студенчества, составивший в середине 1850-х гг. не менее трети от общего состава читателей⁷, неизбежно вынуждали Библиотеку искать новые формы своей деятельности, облегчающие читателям доступ к интенсивно обновляющимся фондам и каталогам.

Время перемен в Императорской Публичной библиотеке началось с приходом на пост ее директора М. А. Корфа, которого современники по праву

называли устройтелем реформ. Осознавая сущность деятельности Библиотеки «в пользу любителей просвещения»⁸, М. А. Корф свое предназначение видел в том, что «для пользы науки, для достоинств правительства, для славы России... надлежало совсем пересоздать Библиотеку, ...вновь открыть ее»⁹. М. А. Корфу удалось заразить жаждой реформ и сотрудников Библиотеки, вот почему «улучшение и умножение Библиотеки сделалось эпидемией у всех, кто в то время служил в этом учреждении»¹⁰.

Как отмечали впоследствии историки Публичной библиотеки, «деятельность Корфа... легла нестираемой гранью... и стала как бы эрой библиотечного летосчисления: до Корфа и после Корфа. До Корфа Библиотеки была публичной скорее по имени, после него стала публичной в действительности»¹¹.

Вступив на пост директора 2 ноября 1849 г., М. А. Корф тщательнейшим образом ознакомился с состоянием Библиотеки и был им крайне удручен. Он сделал вывод: «Посреди первой улицы Петербурга, кипящей вечной жизнью и деятельностью, громадное здание Библиотеки одно стояло пустынею, лишенною всякой жизни, внешней и внутренней»¹². В декабре 1849 г. Корф написал записку «Императорская Публичная библиотека в ее прошедшем, настоящем и будущем», в ней отмечалось, что Библиотека «находилась в глубоком упадке: многие фонды лежали штабелями неразобранными. Около 120 тысяч переплетенных и неразобранных брошюр... валялись целыми горами на глиняном помосте под самой крышей... Каталогов почти не было. Само здание было запущено: полусгнившие полы, разошедшиеся оконные рамы и двери, переломанная мебель, безобразные шкафы...»¹³, — такой застал Императорскую Публичную библиотеку ее новый директор. Изучив ее состояние и обратившись к сотрудникам с предложением обдумать, что нужно сделать для пользы Библиотеки, он пришел к выводу о необходимости изменения ее структуры. Приказом от 14 апреля 1850 г. была определена децентрализованная дробная структура — по отделениям¹⁴.

Создание отделений происходило не на пустом месте. К этому времени в Библиотеке уже начала складываться отделенческая структура, основные элементы которой появились почти с самого начала бытования Императорской Публичной библиотеки.

Еще по поступлении библиотеки Залуских в Петербург и размещении фондов в садовом павильоне Императорского Кабинета с июля 1795 г. началось «приведение в порядок книг библиотеки»¹⁵. Вначале при вскрытии поступивших ящиков книги для элементарного учета вносились в списки без всякого разбора. По окончании этой работы чиновники Библиотеки под руководством Е. А. Киршбаума¹⁶ начали разбирать книги по содержанию, по языкам и по формату. Именно ему и служившему под его началом М. И. Антоновскому¹⁷ принадлежит первая содержательная структура организации фондов Императорской Публичной библиотеки. Уже в мае 1796 г. Е. А. Киршбаум подал управляющему Кабинетом е. и. в. В. С. Попову записку о разделении Варшавской библиотеки на 7 классов «по числу главнейших знаний человеческих...: 1) богословие, 2) законоведение, 3) естествословие и врачество, 4) любомудрие, 5) математика, 6) история и землеописание и 7) свободные, или изящные науки, художества и ремесла»¹⁸. Эта классификация была закреплена 1 июня 1796 г. в первом руководстве по организации национальной библиотеки России — «Мнении, каким образом можно бы изготовить Варшавскую, или так называемую Залуских, библиотеку к будущему 1797 году, Сентября к 22-му числу так, чтобы она могла быть выставлена зрению и употреблению общему...»¹⁹ (выделено мной. — Г. М.).

Схема эта менялась, так к концу 1796 г. в классификации было уже 10 разделов за счет выделения из более обширных классов дробных делений²⁰. Руководивший дальнейшим разбором книг и их перемещением в новое впервые построенное в России для библиотеки здание О. О. д'Огар²¹ в документе «Наставление Императорской Библиотеке» существенно детализировал классификацию, предоставив чиновникам еще бóльшую свободу к разделению фондов на классы, отмечая при этом, что библиотекарям дано право «прибав-

лять артикулы родов творений, поелику не можно прозорливости и разбира- тельству при отделении материй предписать законов» и разбирающим книги рекомендовалось делать «как только можно побольше таких отделений мате- рий»²².

Пришедший на смену д'Огару А. Н. Оленин уже в 1808 г. осознал, что фонды Библиотеки, часть из которых даже не была разобрана, находятся в достаточно хаотичном состоянии и классификация их носит весьма субъек- тивный характер²³. Главную свою задачу «товарищ главного директора импе- раторских библиотек» видел в разработке современной тому времени класси- фикации и упорядочении фондов в соответствии с ней по «вновь устанавли- мым отделениям Библиотеки»²⁴. Составленная А. Н. Олениным схема изложе- на в его книге «Опыт нового библиографического порядка для С.- Петербургской императорской библиотеки»²⁵.

Согласно библиографическому порядку А. Н. Оленина, фонды должны были быть разделены по содержанию на классы, классы — на отделения, от- деления — на подразделения и разряды.

В основе системы А. Н. Оленина лежит деление на три основных клас- са: науки, искусства и словесность, или филология. Последующее деление предусматривало разбивку на 15 отделений²⁶.

I. Науки

Науки умственные

1. Богословие
2. Правоведение
3. Философия
4. История

Науки естественные

5. История естествознания
6. Врачебство
7. Физика
8. Химия

Науки определительные

9. Математика чистая и сложная

II. Искусства

1. Механические искусства
2. Свободные искусства

3. Словесные искусства

III. Филология

1. Языкознание
2. Полиграфия
3. Критика

Не анализируя детально представленную классификацию (подробный анализ ее дан в классическом труде Е. И. Шамурина²⁷ и недавно опубликованной капитальной монографии М. Н. Коноваловой²⁸ и не вдаваясь в дальнейшее деление отделений на подразделения и разряды (их было различное число в разных отделениях), для нас важно подчеркнуть, что для своего времени она была «незаурядным явлением»²⁹ и соответственно ей в Библиотеке стали складываться перечисленные выше отделения.

По мере того, как книги разбирались по отделениям, библиотекари приступили к составлению каталогов. Однако первоначально деятельность чиновников Библиотеки не была строго закреплена за тем или иным отделением. Так, в отчете Библиотеки за 1814 г. А. Н. Оленин указывал, кто из библиотекарей отвечал за ту или иную закрепленную за ним работу³⁰.

Так Ф. И. Брейткопф «имел в ведении своем» все печатные книги на итальянском, испанском, португальском, польском, литовском и латышском языках. Р. К. фон Сухтелен «заведовал собранием книг, печатанных на разных европейских языках в XV веке» (курсив А. Н. Оленина. —Г. М.) и «имел надзор за всеми вообще книгами на голландском языке». В. П. Двигубский «имел в смотреии» все богословские книги на греческом и латинском языках. М. А. Семигиновский и его помощник Ф. И. Ласковский «имели под своим надзором» книги на латинском языке по философии, истории, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике, а также книги на восточных языках, главным образом еврейском и книги на «северных языках» — финском, шведском, датском. А. И. Красовскому были «вверены два отделения»: географические книги, описания путешествий и городов, «хронологические и до всеобщей древней и новой истории относящиеся» на французском языке и «книги на английском языке по всем систематиче-

ски расположенным частям Библиотеки». А. А. Бюте имел «в своем хранении» книги по философии, механическим, свободным и словесным искусствам, языкознанию, полиграфии и критике на французском языке. Аббату де Грандидье «поручены книги на французском языке» по богословию, правоведению, истории, нумизматике и генеалогии. «Отделение греческих книг», за исключением богословских, «имел под своим надзором» Н. И. Гнедич. П. К. Козловский отвечал за книги на латинском и французском языках по математике, физике, химии, естественной истории и «врачебству». «По всем систематически расположенным отделениям Библиотеки» книгами на немецком языке ведал П. П. Попов. Кроме того, П. П. Попов и М. А. Семигиновский «имели особенный надзор за всеми излишними экземплярами книг»³¹.

Столь подробное изложение того, чем занимался каждый чиновник Библиотеки, неслучайно. При анализе их деятельности становится очевидным, что, несмотря на разделение фондов по перечисленным в системе А. Н. Оленина отделениям, в Библиотеке не было практики закрепления ответственности того или иного библиотекаря за конкретным отделением. Книги были распределены между служащими независимо от отделений принятой в тот период библиографической системы организации фондов, прежде всего по языковому признаку в зависимости от знаний тех или иных сотрудников³². Кроме того, не было и устойчивого определения понятия «Отделение Библиотеки» связанного с систематическим разделением фондов. Тут и там мелькали понятия «Отделение греческих книг», «два отделения на французском и английском языках».

Тем не менее уже к начальному периоду («детству» Библиотеки³³) относятся три абсолютно сложившихся отделения.

Так, еще при А. С. Строганове 27 февраля 1805 г. было организовано «Депю манускриптов»³⁴ — «особенное Отделение Библиотеки», в котором первоначально хранились рукописи, монеты, медали и «разные любопытные как естественные, так и искусственные произведения»³⁵.

Главным хранителем этого отделения стал П. П. Дубровский, остававшийся в этой должности до 5 апреля 1812 г.³⁶, в 1812—1828 гг. возглавлял Депо по манускриптов А. И. Ермолаев³⁷, с 1828 по 1844 г. — А. Х. Востоков³⁸, с 1844 г. главным хранителем Депо (с 1850 г. — Отделения рукописей) был будущий директор Библиотеки А. Ф. Бычков³⁹.

11 мая 1811 г. А. Н. Оленин издал распоряжение о разделении русских и иностранных книг и о создании Русского отделения, которым до февраля 1818 г. заведовали совместно В. С. Сопиков и И. А. Крылов⁴⁰, с этого времени до 1 марта 1841 г. — И. А. Крылов⁴¹, затем до 17 января 1848 г. — И. П. Быстров⁴², а с 1848 г. к моменту прихода М. А. Корфа это отделение возглавлял тот же А. Ф. Бычков⁴³.

В отчете Библиотеки за 1817 г. указывалось, что к 15 отделениям печатных книг присоединяется 16-е, «состоящее из одних излишних экземпляров книг, назначенных на вымен и продажу»⁴⁴, хотя выявление дублетных экземпляров производилось уже при самом начальном разборе библиотеки Залуских.

Таким образом, уже в период директорства А. Н. Оленина в Библиотеке существовали различные отделения, которые «никогда не были четко зафиксированы в каком-либо нормативном акте, отсюда нечеткость и разноречивость как в их числе, так и в названиях»⁴⁵.

При Д. П. Бутурлине в 1843—1849 гг. каких-либо существенных изменений в структуре отделений Библиотеки не происходило⁴⁶. Была лишь предпринята тщетная попытка закрепления ответственности конкретных библиотекарей за помещениями («залами»), «вверив каждую непосредственному надзору определенных лиц», поскольку во многих залах книги «большими массами» лежали на полу и была опасность возникновения пожара при топке печей⁴⁷.

Впервые административный статус отделениям был придан приказом № 174 М. А. Корфа от 14 апреля 1850 г., закрепившем все отделения за конкретным библиотекарем с установлением ответственности «как за сохранение вверенного ему (библиотекарю. — Г. М.) отделения в целостности и должном устройстве, так равно и за быстроту и порядок библиографических в нем работ»⁴⁸.

«Из крупнейших собраний по разным специальностям, в которых в каждой, за небольшими исключениями, не было постоянного и ответственного хозяина»⁴⁹, в Библиотеке утверждались административно самостоятельные отделения, фактически ряд самостоятельных библиотек в большой Библиотеке, говоря словами М. А. Корфа, «под одной крышей создавались в себе самой замкнутые библиотеки»⁵⁰. Таких «библиотек» (отделений) было выделено 17, за каждой закреплялось ответственное лицо.

В основу отделений были положены разные принципы, главным образом отделения были организованы по отраслевому признаку (так был подразделен почти весь иностранный фонд), а также по признаку языка (Русское и Восточное отделения, где сосредотачивались издания независимо от отрасли знания). Выделялись отделения и по времени печати (Отделение инкунабулов), памятникам письменности (Отделение рукописей), по специальному признаку (дублетов).

Подобное распределение называлось «административно-научным порядком в Библиотеке» и соотносилось с организованными залами следующим образом:

«Бычкову поручены залы I и II — рукописи, VI — русская библиотека, IX и X — все периодические издания и новые выпуски.

Беккеру — залы IV, V и VII — еврейские книги, медицина, естественные науки и часть богословия в зале XVII.

Собольщикову — зала V, свободные и изящные искусства, математика и прикладные естественные науки.

Д. П. Попову — зала VII, языковедение и классики греческие и римские.

Ф. Н. Попову — в зале VII, восточные книги за исключением еврейских; кроме того, он был помощником Бычкова.

Дорну — залы XII, XIII и XIV, история (исключая инкунабулы).

Минцлову — залы XV, XVI, философия и словесные науки, и в зале XIV инкунабулы.

Вальтеру — залы XVII, XVIII и XIX, история литературы, полиграфия и правоведение.

Муральту — залы XX, XXI, XXII и XXIII, богословие.

Протопопову залы — XXV—XXXIII, дублиеты»⁵¹.

Как видно из приведенного распределения ответственных по залам, здесь уже представлена более четко сформулированная ответственность старшего библиотечного состава, чем это было в оленинский период. Хотя и в предложенной схеме закрепления библиотекарей по залам Корф учитывал индивидуальные знания, научные интересы и опыт каждого сотрудника.

Каждое отделение самостоятельно занималось комплектованием своих фондов, обеспечивало их сохранность и организацию, создание каталогов на свой фонд, выдачу книг в читальный зал, справочно-библиографическую работу по запросам читателей⁵².

Такая структурная организация при наличии небольшого числа сотрудников (10 старших библиотекарей и 4 младших библиотекаря)⁵³ повышала их ответственность и интенсифицировала их труд.

Отраслевая специализация, сосредоточение в одном подразделении литературы по той или иной области знания, необходимость следить за новинками литературы при комплектовании своего отделения, поиск ранее вышедших иностранных изданий делали Библиотеку исключительно притягательным местом службы для ученых разных специальностей. На протяжении всего XIX и первой четверти XX в. сотрудниками Публичной библиотеки были 30 настоящих и будущих академиков Российской академии наук, 5 бывших и будущих российских министров, десятки ученых, профессоров, писателей, художников, религиозных и общественных деятелей, специалистов в области самого широкого спектра наук⁵⁴.

Особое место занимает созданное в 1850 г. новое Отделение «Россика».

Идея о том, чтобы собирать в Библиотеке все иностранные сочинения о России, принадлежала еще А. Н. Оленину⁵⁵, однако в тот период осуществления она не нашла.

Вот почему, подводя итоги 100-летия открытия Библиотеки для читателей, ее историки отмечали: «Создание этого отделения было плодом оригинального замысла Корфа и навсегда залегло в организации Публичной библиотеки воплощением его личных научно-исторических симпатий. При глубоко индивидуальном отношении директора к задуманному им отделению, создание его заняло среди забот Корфа о Библиотеке совершенно исключительное место: усердие и труд библиотекарей, щедрая доля покупных средств — все подчинялось новому библиотечному центру, отделению *Rossica*»⁵⁶. Активными помощниками в создании «беспримерного отделения “*Rossica*”»⁵⁷ стали В. И. Собоьщиков, В. В. Стасов, Е. Е. Беркгольц, Р. И. Минцлов, В. Е. Ген.

По замыслу Корфа, предполагалось выделить в особое отделение «и все отечественные сочинения о России» из общего состава русских книг. На экземпляре проекта, сохранившегося в бумагах Корфа, на полях помечено: «осталось неисполненным, потому что оказалось бесполезным»⁵⁸.

Кроме «Россики», в этот период «получили свое начало или, по крайней мере, совершенно новую постановку и новые отделения инкунабул, альдов и эльзевиров»⁵⁹, для которых по проекту И. И. Горностаева и В. И. Собоьщикова была построена специальная «готическая зала», получившая впоследствии наименование «Кабинет Фауста».

В 1858 г. была предпринята попытка создания в Библиотеке особого отделения польских книг, но дальнейшего развития она не получила, поскольку главным принципом организационной структуры Библиотеки было все-таки разделение книг «по наукам, а не по языкам»⁶⁰.

По мере роста объема фондов отделений неизбежно возникали вопросы об уточнении границ между смежными по содержанию знаний отделениями, что постоянно приходилось делать уже начиная с директорства И. Д. Делянова. С этой целью приводились достаточно регулярно созываемые общие собрания библиотекарей⁶¹. Со временем из прежних отделений стали выделяться фонды географических карт и атласов, эстампов, музыкальных произведений, вошедшие в середине 1930-х гг. в качестве групп в Отдел фондов и обслужи-

вания. Происходила также передача отдельных книг и целых подразделов из одного отделения в другое.

Постепенно в составе Библиотеки сформировалось Секретное отделение. Начало ему было положено еще в 1813 г. при А. Н. Оленине, когда по примеру Ватиканской библиотеки было создано особое хранилище для тех книг и рукописей, которые по законам цензуры «от большой части публики должны быть скрыты»⁶². Первоначально это собрание хранилось в Депо манускриптов. Однако по мере активного поступления «запрещенных книг» уже в корфовский период формируется так называемая коллекция «вольной русской печати», активно пополнявшаяся и послужившая основой Секретного отделения⁶³.

После 1917 г. отделенческая система не претерпела существенных изменений, хотя в 1920-е гг. предпринимались отдельные более или менее успешные попытки ее совершенствовать, дополнить, разукрупнить.

В 1918 г. было принято решение об организации Отделения прикладных наук, однако практической реализации это решение не получило⁶⁴. В том же году было ликвидировано Секретное отделение, а его фонды (они были в основном на русском языке) переданы в виде коллекции вольной русской печати в Русское отделение. Тем не менее через несколько лет в середине 1920-х гг. оно возродилось, правда, уже в ином виде. Вся литература, вызывавшая возражения Гублита и оцененная им как «идеологически вредная», направлялась в специальные отделы: иностранные издания, где негативно оценивались происходившие в Советской России события, поступали в отделение под названием «Спецхрана», а так называемая «белоэмигрантская печать» и изъятые из свободного обращения отечественные издания поступали в спецотдел. Оба эти подразделения в 1936 г. были объединены, и создан единый Отдел специального хранения.

С середины 1920-х гг. началась перестройка Восточного отделения, куда из Русского и других отделений стали передавать ранее хранившиеся в них издания на языках народов СССР, что привело к преобразованию в 1931 г.

Восточного отделения в Отдел национальной литературы (Отдел национальностей).

В 1927 г. было принято решение о консервации отделения «Россика», переставшего фактически пополняться уже с началом Первой мировой войны.

В сентябре 1928 г. была предпринята попытка организации отделения «Славика», которое просуществовало два года, а в сентябре 1930 г. на основании решения комиссии по чистке аппарата Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде (так тогда именовалась Российская национальная библиотека) оно было ликвидировано⁶⁵.

В первые послереволюционные годы и до середины 1930-х гг. в структуре Библиотеки в связи с новыми требованиями по обслуживанию широкой масс читателей развитие получили филиалы, их еще иногда именовали филиальными отделениями, и кабинеты⁶⁶.

Эта структура не оставалась намертво закрепленной, и время от времени отделения то сливались, то наоборот разделялись. Так в конце XIX — начале XX в. структура Библиотеки включала 16 отделений. Иногда их число доходило до 20. Русское, или русских книг (в том числе и периодика), Славянское (преимущественно, церковных книг, напечатанных глаголицей и кириллицей), «Россика» (называвшееся первоначально «отечественным»), инкунабулов, истории, юриспруденции (включая экономические и социальные науки), богословия, философии и педагогики, изящных искусств и технологии, естественное (включая математику и медицину), истории литературы и полиграфии, филологии и лингвистики, изящной словесности, восточное, рукописей, дублетов. Не было единообразия и в их наименовании. Часто называвшиеся отделениями подразделения еврейских книг, картографии, запрещенных книг на русском языке (так называемое «секретное») являлись, по существу, лишь составными частями, подотделами соответствующих отделений: Восточного, Исторического, Рукописного.

Старые отделения оставались основным элементом структуры Библиотеки до 1930 г., когда Библиотека перешла на функциональную специализацию.

Воссоздание истории тех или иных отделений привлекало внимание историков Библиотеки разных поколений. Впервые фрагментарно ее можно проследить в юбилейном труде к 100-летию открытия Библиотеки для читателей⁶⁷. В истории Библиотеки, опубликованной к 150-летию со дня ее открытия, также есть исторические фрагменты, посвященные ее отделениям⁶⁸. Отчасти история организационной структуры Библиотеки изложена в капитальной монографии М. Н. Коноваловой «История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795—1917 гг.»⁶⁹. Коснулись этих вопросов и Ц. И. Грин и А. М. Третьяк в хрестоматии, выпущенной в 1998 г.⁷⁰

Не была обойдена вниманием отделенческая система и в капитальной монографии «История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1975—2005», выпущенной к 210-летию со дня основания Императорской Публичной библиотеки⁷¹. Целый ряд отделений был удостоен более пристального внимания исследователей, и им посвящены отдельные исторические очерки. Это прежде всего Отделение рукописей⁷², Отделение изящных искусств и технологий⁷³, отделение «Россика»⁷⁴, Отделение дублетов⁷⁵.

Оценка отделенческой структуры Библиотеки в трудах историков разных поколений была различной. В монографии к 100-летию со дня открытия Библиотеки подчеркнуто, что Корф своим приказом 14 апреля 1850 г., утвердив отделенческую структуру, «направил Библиотеку на путь чрезвычайно плодотворного развития, сообщил ей ускоренный темп существования, вдохнул в нее новую душу»⁷⁶. Историки советского времени отмечали: «Отраслевой “отделенческой” структуре Библиотеки с самого начала был присущ крупный недостаток. Она привела впоследствии к изолированности и замкнутости отделений, к рассредоточению каталогов по отделениям и к отсутствию единых общепубличных каталогов, к нечеткости в составе отделенческих ка-

талогов из-за изменений, которые вносились постепенно с развитием науки в содержание фондов отделений»⁷⁷.

Попробуем удержаться от крайне полярных оценок.

Для своего времени, по признанию специалистов, введенная в Библиотеке организация фондов и каталогов, отраслевизация обслуживания читателей ставили Императорскую Публичную библиотеку на одно из первых мест в мире, а «либеральностью своею в отношении к посетителям Императорская Публичная библиотека оставляет за собою все библиотеки Европы»⁷⁸.

К концу 1920-х гг. изменились и требования, предъявляемые обществом к Библиотеке, пришел другой читатель, неимоверно возросли фонды. Система наук как живой развивающийся организм не оставалась без изменений на протяжении почти 150-летнего существования национальной библиотеки России.

Отделенческая система потеряла свою привлекательность и была заменена созданием функциональных отделов. Тем не менее прежняя отделенческая структура Библиотеки, ее жизнь и деятельность в рамках этой структуры позволили ей в свое время выполнить свою роль как одного из «плодотворнейших проводников просвещения»⁷⁹.

Примечания

¹ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1828—1855 гг. СПб., 1909. URL: <http://www.runivers.ru/upload/iblock/fde/zhandarmy.djvu> (дата обращения: 19.10.2018).

² Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Герцен А. И. Полн. собр. соч.: в 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 223.

³ Герцен А. И. Порядок торжествует. URL: <http://gertsen.lit-info.ru/gertsen/public/kolokol-1866—1867/article-92.htm> (дата обращения: 19.10.2018).

⁴ Соболюшкин В. И. Императорская Публичная библиотека в эпоху перехода в ведомство Министерства народного просвещения (краткий очерк ее прошедшего и настоящего). СПб., 1863. С. 59.

⁵ Добролюбов Н. А. Десятилетие Императорской Публичной библиотеки (1849—1859)... СПб., 1859; Путеводитель по Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1860: [Рец.] // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 6 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 47.

⁶ Корф М. А. Десятилетие Императорской Публичной библиотеки (1849—1859): записка, представленная государю императору директором Б-ки. СПб., 1859. С. 43.

⁷ Грин Ц. И., Третьяк А. М. Публичная библиотеки глазами современников (1795—1917): хрестоматия. СПб., 1998. С. 234.

⁸ Оленин А. Н. Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою... за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 годы... СПб., 1813. С. 4.

⁹ Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 380. Ед. хр. 41. Л. 3 об.

¹⁰ Цит. по: Грин Ц. И., Третьяк А. М. Указ. соч. С. 342.

¹¹ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1814—1914. СПб., 1914. С. 184.

¹² ОР РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 41. Л. 3 об.

¹³ Цит. по: Голубева О. Д. М. А. Корф. СПб., 1995. С. 19.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 380. Ед. хр. 237. Л. 36.

¹⁵ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 14.

¹⁶ Вольфцун Л. Б. Киршбаум Егор Андреевич // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: биограф. слов. СПб., 2003. Т. 3. С. 669—670.

¹⁷ О М. И. Антоновском подробно см.: Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 30—32; Шилов Л. А. Антоновский Михаил Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 54—58; Семенова Л. С. Организация комплектования фонда первой национальной библиотеки России (1795—1801) // История библиотек: исслед., материалы, док. СПб., 2008. Вып. 7. С. 70—89.

¹⁸ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 14—15.

- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. XVIII. Ед. хр. 32. Л. 2.
- ²⁰ Семенова Л. С. Указ. соч. С. 78.
- ²¹ Вольфцун Л. Б. Огар Осип Осипович // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 382—384.
- ²² Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 21.
- ²³ Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1811—1843. Алексей Николаевич Оленин // История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795—2005. СПб., 2006. С. 54—55.
- ²⁴ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 40.
- ²⁵ Оленин А. Н. Опыт нового библиографического порядка для С.-Петербургской императорской библиотеки. СПб., 1809. 10, IV с.
- ²⁶ История Государственной ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 15.
- ²⁷ Шамурин Е. И. Очерки по истории библиотечно-библиографической классификации. М., 1959. Т. 2. С. 129—135.
- ²⁸ Коновалова М. Н. История каталогизации фондов Российской национальной библиотеки, 1795—1917 гг. / подгот. к печати и коммент. Г. В. Михеевой; науч. ред. Г. В. Михеева, Р. С. Гиляревский. СПб., 2014. С. 19. URL: vivaldi.nlr.ru (дата обращения: 19.10.2018).
- ²⁹ Шамурин Е. И. Указ. соч. С. 134.
- ³⁰ Биографические очерки о всех перечисленных далее чиновниках Библиотеки приведены в биобиблиографическом словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры» (СПб., 1995. Т. 1. 688 с.).
- ³¹ Оленин А. Н. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1814 год... СПб., 1815. С. 25—29.
- ³² Голубева О. Д. А. Н. Оленин. СПб., 1997. С. 58.
- ³³ Грин Ц. И., Третьяк А. М. Указ. соч. С. 18.
- ³⁴ Ландер И. Г., Михеева Г. В. 1800—1811. Александр Сергеевич Строганов // История Библиотеки в биографиях ее директоров. С. 44.

³⁵ Оленин А. Н. Отчет в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1816 год... СПб., 1817. С. 46.

³⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, 1805—2005. Сотрудники Отдела / сост. Л. А. Шилов, Е. А. Савицкая. СПб., 2005. С. 7.

³⁷ Там же. С. 8.

³⁸ Там же. С. 9.

³⁹ Там же. С. 10.

⁴⁰ Голубева О. Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 17.

⁴¹ Голубева О. Д. И. А. Крылов. СПб., 1997. С. 61.

⁴² Эльзон М. Д. Быстров Иван Павлович // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 114.

⁴³ Голубева О. Д. Бычков Афанасий Федорович // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 116.

⁴⁴ Оленин А. Н. Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою... за 1817 год... СПб., 1818. С. 90.

⁴⁵ Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 15.

⁴⁶ Михеева Г. В. 1843—1849. Дмитрий Петрович Бутурлин // История Библиотеки в биографиях ее директоров. С. 78—93.

⁴⁷ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 16.

⁴⁸ Отдел архивных документов Российской национальной библиотеки (ОАД РНБ). Ф. 1. Оп. 1. 1849. Ед. хр. 30. Л. 34—38.

⁴⁹ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 274.

⁵⁰ Корф М. А. Указ. соч. С. 30—31.

⁵¹ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 274—275.

⁵² История Государственной... Публичной библиотеки... С. 63.

⁵³ Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1849—1861. Модест Андреевич Корф // История Библиотеки в биографиях ее директоров. С. 101.

⁵⁴ Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1995. Т. 1. С. 7.

⁵⁵ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 114; Голубева О. Д., Михеева Г. В. 1811—1843. Алексей Николаевич Оленин. С. 63; История Государственной... Публичной библиотеки... С. 32.

⁵⁶ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 275.

⁵⁷ Цит. по: Голубева О. Д. М. А. Корф. С. 48.

⁵⁸ Цит. по: Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 277.

⁵⁹ Там же. С. 292.

⁶⁰ Там же. С. 303.

⁶¹ Михеева Г. В. 1861—1882. Иван Давыдович Делянов // История Библиотеки в биографиях ее директоров. С. 145.

⁶² Оленин А. Н. Отчет в управлении имп. Публичною библиотекою за 1808, 1809, 1810, 1811 и 1812 годы. С. 64.

⁶³ Голубева О. Д. М. А. Корф. С. 31—32.

⁶⁴ Шилов Л. А., Михеева Г. В. Предисловие // Сотрудники Российской национальной библиотеки... 1999. Т. 2. С. 14.

⁶⁵ Там же. С. 14—15.

⁶⁶ Эти структурные подразделения тщательно изучены, и на сайте Библиотеки представлена подробная история каждого (www.nlr.ru/nlr.history/history/7html).

⁶⁷ Императорская Публичная библиотека за сто лет, 1914—1917. СПб., 1914. 481. ХХСІ с.

⁶⁸ История Государственной... Публичной библиотеки... С. 15—16, 51—52.

⁶⁹ Коновалова М. Н. Указ. соч. С. 113—117.

⁷⁰ Грин Ц. И., Третьяк А. М. Указ. соч. С. 63—67, 233—247.

⁷¹ История Библиотеки в биографиях ее директоров, 1795—2005 / науч. ред. Г. В. Михеева. СПб., 2006. 505 с.

⁷² «Жемчужина в короне». Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, 1805—2005. СПб., 2005. 100 с.

⁷³ Враская О. Б. Краткая история отдела эстампов (1795—1960): Комплектование, организация фонда, обработка, обслуживание, научно-методическая и научная работа // ОР РНБ. Ф. 1383. Оп. 1241. Ед. хр. 7. 18 л.; Бархатова Е. В. Отдел эстампов // «Первенствующее книгохранилище России»: очерки истории РНБ. СПб., 2015. С. 34—60. URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000007951/view#page=34> (дата обращения: 19.10.2018).

⁷⁴ Шамрай Д. Д. Коллекция «Россика» в фондах Государственной Публичной библиотеки // Архивное наследие Российской национальной библиотеки. СПб., 2008. Вып. 1. С. 16—58; Гольдберг А. Л., Яковлева И. Г. Коллекция «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — важный памятник истории культуры // История СССР. 1964. № 5. С. 92—102; Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // Материалы I Всероссийского рабочего совещания по проблемам «россики»: Москва, 29—30 июня 1995 г. М., 1995. С. 16—26; Михеева Г. В. «Россика» в Российской национальной библиотеке: история, проблемы, перспективы // Беспремерное отделение «Россика»: материалы науч. конф. / РНБ. СПб., 2000. С. 8—18; Голубева О. Д. М. А. Корфф. С. 41—50.

⁷⁵ Матвеева И. Г. Отделение дублетов Императорской Публичной библиотеки // Вестн. СПбГУКИ. 2015. Вып. 1 (22). С. 82—93.

⁷⁶ Императорская Публичная библиотека за сто лет. С. 184.

⁷⁷ История Государственной... Публичной библиотеки... С. 63.

⁷⁸ Собольщikov В. И. Указ. соч. С. 56.

⁷⁹ Подробно о становлении отделенческой системы в Библиотеке см.: Михеева Г. В. Отделенческая система в Императорской Публичной библиотеке (исторический очерк) // Клио. 2018. № 2 (134). С. 147—154.